
Марей М. Д. «Республиканизм» и «Правительственность»: два способа мышления о государственном управлении // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 113–122.

МАРИЯ МАРЕЙ*

«РЕСПУБЛИКАНИЗМ» И «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ»: ДВА
СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ
УПРАВЛЕНИИ**

ПЕТТИТ Ф. РЕСПУБЛИКАНИЗМ. ТЕОРИЯ СВОБОДЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ / ПЕР. С АНГЛ. А. ЯКОВЛЕВА ; ПРЕДИСЛ. А. ПАВЛОВА. — М. : Изд-во Института ГАЙДАРА, 2016

ДИН М. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ: ВЛАСТЬ И ПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ / ПОД РЕД. С. М. ГАВРИЛЕНКО ; ПЕР. С АНГЛ. А. А. ПИСАРЕВА. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016

Так случилось, что книги Филиппа Петтита и Митчелла Дина не только вышли на русском языке практически одновременно, в 2016 г., но и написаны были примерно в одно время: «Республиканизм» Петтита вышел в 1997 г., а первое издание «Правительственности» Дина относится к 1999 г. Однако на этом их сходство, пожалуй, заканчивается, поскольку хотя оба автора играют на поле политической философии, делают они это настолько по-разному, что после прочтения кажется, что реальность, данная им как теоретикам политического в ощущениях, почти не совпадает.

Во многом такой эффект является следствием принадлежности к разным традициям, определяющим и словарь описания политической жизни, и методологию, и фокус внимания авторов.

Филипп Петтит — республиканист, осознающий свою принадлежность к респектабельной политико-философской традиции и продолжающий ее. В книге, о которой идет речь, он выступает за республиканский проект: идеал свободы как не-доминирования заявлен им как политический идеал, который одновременно может стать руководством в трансформации существующего в США политического режима. Таким образом, «Республиканизм» поделен на две части: в главах с первой по четвертую Петтит пишет о возникновении республиканского понятия

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н., ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики», mdyurlova@hse.ru.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

свободы как не-доминирования, приводит аргументы в поддержку того, что она может быть привлекательным политическим идеалом; а в главах с пятой по восьмую он пишет об «институциональных выводах из той организации государства и гражданского общества, которая наилучшим образом служит делу свободы как не-доминирования» (Петтит, Яковлев, 2016: 49–49), т. е. о практических рекомендациях для достижения этого идеала.

Принципиально важным, на мой взгляд, кажется то, что Петтит вполне допускает мысль, что республиканский идеал может быть близок и привлекателен не для всех. Поэтому он много пишет о чисто практических выгодах от его реализации, которые смогут оценить даже те, кто не разделяет его идейные установки. Свобода как не-доминирование, предполагающая уважение к человеческому достоинству, прочная система институтов, обеспечивающая нормальное ежедневное функционирование государства и иные гарантии безопасности и уверенности в завтрашнем дне, — это то, что, по мнению Петтита, является важным и ценным для большинства людей вне зависимости от их политических убеждений. В этой апелляции к здравому смыслу автор, безусловно, прав, а в его тексте чувствуется обаяние хорошо проработанной системы аргументов.

Митчелл Дин относится к другой интеллектуальной и политической традиции, фукольдианской. Он работает, опираясь на детальную реконструкцию идей Фуко, касающихся дисциплинарной власти, биополитики, суверенитета, управления собой и другими. Это принципиальной иной способ мыслить государственное управление, предполагающий собственный словарь и другие методологические установки. Один из главных вопросов этой книги — «Как нами управляют?» — распадается на два: «Что представляет собой это управление?» и «Почему оно именно таково?». В качестве ответов Дин предлагает свою концепцию «аналитики управления», которая предполагает реконструкцию исторических трансформаций техник управления и заботы, практикуемых властью, которая призвана объяснить, почему современные формы государственного управления выглядят и функционируют именно так. Дин признает, что его задачей не было создание собственной теории государства. Он пишет, что идет «изнутри» него, выстраивая критическую теорию, «исследующую рациональные попытки воздействия на свое и чужое поведение» (Дин, Писарев, 2016: 504), т. е. не только политику и властные отношения, но и взаимодействие в других сферах жизни.

Итак, если говорить об общих установках, то «Республиканизм» говорит о свободе и возможностях ее практического воплощения, а «Правительство» — о всепроникающем управлении, которое не всегда принимает явные формы, а напротив, тем более эффективно, чем менее видимо.

Начиная свои рассуждения о понимании свободы в республиканской традиции, Петтит пишет, что свобода — это «статус, позволяющий избежать зла, связанного с вмешательством» (Петтит, Яковлев, 2016: 74), а не нечто, обеспечивающее доступ к инструментам демократического управления. Автор выводит республиканское понимание свободы за пределы альтернативы «свободы от» и «свободы для», говоря, что «свобода как не-доминирование» мыслится в республиканской традиции через противопоставление господина и раба и понимается как не-доминирование, а не как не-вмешательство. В чем же разница? По мнению Петтита, свобода как не-доминирование предполагает защиту от произвольного вмешательства в жизнь человека кого бы то ни было. Это — «общественный идеал, требующий, чтобы — хотя существуют другие люди, которые могли бы вмешиваться в дела человека на основе произвола, — им не позволялось бы этого делать» (Петтит, Яковлев, 2016: 457). Этот идеал — гражданский, он возможен только в государстве, законы и власть которого охраняют его и дают ему возможность быть реализованным. Свобода в концепции Петтита возможна благодаря существованию законов, полиции, разделения властей и другим механизмам защиты от произвольного вмешательства в жизнь гражданина.

Произвольность вмешательства — это одна из ключевых характеристик доминирования. Петтит пишет, что человек, «обладает доминирующей властью над другим в той мере, в какой он:

- 1) способен вмешиваться
- 2) на основе произвола
- 3) в определенные решения, которые может принимать другой» (Петтит, Яковлев, 2016: 109).

Государственная власть же должна применяться так, чтобы «учитывать не личное благо властителя и его взгляды на мир, а благо и взгляды общества» (Петтит, Яковлев, 2016: 115). Такая власть будет не-доминирующей, даже если позволяет себе реальное вмешательство в жизнь граждан и подданных, например, собирая налоги или применяя уголовное законодательство и заключая под стражу. О гарантиях и механизмах реализации такой власти Петтит говорит во второй части книги.

В первой же части он еще останавливается на том, что республиканская традиция считает свободу как не-доминирование высшей политической ценностью, а «смысл принуждающего и потенциально доминирующего государства, в случае его надлежащего устройства, заключается в распространении этой ценности» (Петтит, Яковлев, 2016: 153). Как уже отмечалось ранее, автор считает, что этот идеал может быть привлекательным практически для всех и что свобода как не-доминирование является не только общественным, но и личным благом, которое порождает и другие блага для индивидов, которые им пользуются. Идеал свободы как не-доминирования, по мнению Петтита, обещает избавление от преднамеренного произвольного вмешательства в жизнь человека со стороны тех, кто сильнее или занимает более высокое положение в обществе, обещает жизнь без подчинения кому-либо. Государство же должно, насколько это возможно, продвигать эту ценность.

Эти рассуждения подводят нас к вопросу о том, каким должно быть государство, т. е. институты правления, которые могут быть построены вокруг идеала свободы как не-доминирования. Петтит пишет, что этот идеал может стать своеобразным *lingua franca*: языком, на котором могут быть артикулированы проблемы самых разных общественных групп, движений и объединений, на котором может быть выражено их недовольство собственным положением и доминированием со стороны других, который предполагает, что «порабощение и подчинение являются величайшим злом, а независимость и статус — высшим благом» (Петтит, Яковлев, 2016: 234). По мнению автора, идеал свободы как не-доминирования отвечает двум важным условиям, позволяющим ему претендовать на подобную значимость и ценность: он понятен и предлагает такие выводы, которые никто с ходу не отвергнет как спорные или не важные; он предлагает возможность людям из всех слоев общества «говорить свои голосом» и быть услышанным. Говоря далее о феминизме, социализме, мультикультурализме и энвайроментализме, Петтит утверждает, что республиканский идеал свободы «динамичен, потому что не существует окончательной оценки того, в чем состоят интересы того или иного человека, или того, руководствуются ли некоторые формы вмешательства — особенно некоторые формы государственного вмешательства — идеями, которые он разделяет» (Петтит, Яковлев, 2016: 256). Этот идеал — незамкнутый, оставляющий возможность для новой интерпретации того, что является доминированием и произвольным вмешательством.

Важной частью главы о республиканских целях является параграф о

публичной жизни, т. е. жизни общества, основанной на общем знании и общей вере (Петтит, Яковлев, 2016: 287). Петтит пишет о том, что общее знание, общая вера и разделяемые большинством граждан смыслы очень важны для реализации республиканского идеала свободы, поскольку без веры и уверенности граждан в том, что отсутствие доминирования обеспечено государством, оно не может быть обеспечено. По мнению автора, без веры в свободу свобода невозможна. Однако даже в современных ему демократических режимах Петтит видит трудности, мешающие публичной жизни: сужение, а иногда и потеря публичного пространства, однобокость, а зачастую низкое качество и ложность информации, получаемой людьми из средств массовой информации. Это проблемы, решить которые может только государство, и здесь автор снова пишет о его важности и ценности.

Дальнейшее рассуждение посвящено формам и мерам, которое должно принимать республиканское государство, чтобы «ослабить присутствие произвола в своих собственных механизмах принуждения и не допускать доминирования государственного *imperium*» (Петтит, Яковлев, 2016: 351), чтобы государственные агенты «не имели возможности принимать решения о принуждении на основе произвола» (Петтит, Яковлев, 2016: 297). Собственно, те формы республиканского государства, о которых пишет Петтит, вполне ожидаемы: это конституционные ограничения, которые дают возможность ограничить возможность манипуляций властью со стороны тех, кто ей обладает, и демократический контроль над принятием властных решений, который выражается в том, что действия правительства могут быть эффективно оспорены теми, кого они затрагивают. Верховенство закона; распределение (рассредоточенность) власти; защита законов от слишком легкого пересмотра со стороны большинства; возможность (в том числе и предполагающая наличие законных процедур) граждан эффективно оспаривать решения властей, если они не отвечают их интересам и связанный с этим идеал делиберативной демократии — это те формы, в которых, по мнению автора, может существовать реализованный республиканский идеал.

Этот идеал может быть достижим даже в среде тех, кто не совсем его разделяет, потому что есть механизмы, которые могут сделать республику «прочным и стабильным феноменом»: это то, что Петтит называет санкциями и фильтрами (Петтит, Яковлев, 2016: 361). Санкции могут быть негативными и позитивными и обычно принимают форму наказания или вознаграждения агента за неправильный или правильный выбор. Они могут поддерживать определенную форму поведения, не

являясь его побудительным мотивом. Фильтры же воздействуют не на стимулы агентов, а на их возможности совершать тот или иной выбор и на возможность вообще быть к нему допущенными. Петтит пишет, что сочетание фильтров и санкций плюс презумпция того, что мы имеем дело с обычными индивидами, имеющими в виду общее благо, а не собственный корыстный интерес, является стратегически эффективным при соблюдении трех принципов: «Первый принцип гласит, что возможности фильтрации должны быть изучены до рассмотрения вариантов санкций; второй — что механизмы предлагаемых санкций должны по возможности поддерживать делиберации в духе общих интересов; и третий — что механизмы санкций должны быть мотивационно эффективными» (Петтит, Яковлев, 2016: 373).

Автор признает, что эти меры «ничуть не более притягательны в интеллектуальном смысле, чем инфраструктура газо- и водоснабжения» (Петтит, Яковлев, 2016: 404), однако политические теоретики, которые игнорируют банальное и обыденное, предпочитая заниматься вопросами, которые, может быть, выглядят более интересными и фундаментальными, но являются скорее идеальной теорией, а не способом продвижения своих идей в реальном мире, своим нежеланием обращаться к анализу функционирования институтов государства демонстрируют отсутствие «всякого серьезного интереса к свободе как не-доминированию» (Петтит, Яковлев, 2016: 406).

Внимание Митчелла Дина также обращено к институтам государства, к тому, как они функционируют и почему делают это эффективно. Книга начинается с определения и разъяснения ключевых терминов, продолжается описанием того, что автор называет «аналитикой управления», и заканчивается правилами для тех, кто готов попробовать использовать ее на практике. При этом автор отмечает, что отправной точкой для него является размышление о поведении людей, а не некое общее теоретическое представление о государстве. Человеческое поведение — это то, что можно регулировать, контролировать, формировать, то, чем можно управлять. Управление как руководство поведением предполагает рациональность со стороны управляющего и изначальную свободу управляемого, его способность к свободному действию и мышлению.

В своем исследовании управления Дин признается, что активная деятельность управляемых — это «необходимый компонент того, как мы управляем, и того, как управляют нами» (Дин, Писарев, 2016: 202), поэтому большая часть возможных форм активности предполагается системой управления и встроена в нее.

Главная задача аналитики управления — «исследовать, как управляем мы и как управляют нами в разных режимах практик, а также каковы условия возникновения, функционирования и трансформации таких режимов» (Дин, Писарев, 2016: 101). При этом сама организация знания, исследования также важна, поскольку «дискурсы управления — это неотъемлемая часть механизма управления, а не просто средство его легитимации» (Дин, Писарев, 2016: 109), а способность режимов управления к рефлексивности и пониманию собственного устройства — необходимое условие успешности управления (Дин, Писарев, 2016: 121).

Аналитика управления, по мнению автора, не говорит о том, какие режимы являются хорошими и правильными, а какие нет. Она показывает, как они работают, выявляет присущие им формы рациональности и мышления, практики рационализации, а также связь между тем, как мы познаем себя и как управляем и бываем управляемы.

Дин пишет, что «фокусировка на понятии управления — это ... попытка поставить вопрос об эпистемологических и технических условиях существования политического, проанализировать исторические а priori, с помощью которых мы конструируем политику как область мысли и действия, и изучить инструментальное оснащение, словарь и формы разума, посредством которых мы это делаем. <...> Исследование правительности — своего рода критика политического разума — в той мере, в какой оно намеревается изучать некоторые из прежде невидимых условий, при которых мы можем мыслить и действовать политически» (Дин, Писарев, 2016: 146).

Правительность, исследованию которой в современных обществах и посвящена книга, — это «то, как мы думаем об управлении другими и собой ... в более узком смысле это различные способы мышления об управлении в современном мире» (Дин, Писарев, 2016: 536).

Четвертая, пятая и шестая главы посвящены тому, как происходила трансформация стратегий управления: от заботы папской власти — к появлению полиции; от представлений о божественности власти — к европейской теории суверенитета; от напряжения между сложившимся в Средние века пониманием власти как господства над подданными и появляющимся в Новое время гражданином с политическими правами и обязанностями — к теориям трансформации или «смерти» социального.

При этом в своих рассуждениях о папской власти, о появлении так называемого «светского папства», полиции и дисциплинарной власти, в размышлениях об основных чертах государственного интереса и изменениях стратегий и техник государственного управления, о том,

что такое биополитика и как она связана с появлением «населения» и трансформацией представлений о суверенитете, Дин почти полностью повторяет рассуждения Фуко. Это же касается его рассуждений о либерализме, о производстве знания об обществе, конституирующем само это общество, и об управлении безопасностью.

В седьмой главе Дин использует аналитику управления для анализа феномена «авторитарной правительности» XX в., в котором он также видит типичные черты. Авторитарная правительность, как и «хорошая полиция» XVIII в., стремилась к «детализированному регулированию подданных власти» (Дин, Писарев, 2016: 358), однако «гарантия этого регулирования в авторитаризме XX в. имела форму научного знания о непрозрачных процессах, конституирующих население, а не о прозрачности и обозримости вещей, подлежащих управлению. Несмотря на то, что авторитарная и полицейская формы правления схожи в том, что жизнь населения в них связана с силой государства, лишь в XX в. возвращение жизни населения попало в зависимость от запрета на жизнь для тех, кто признан недостойным ее. Там, где полиция использовала техники суверенности, чтобы реализовывать право на смерть, авторитарная власть связывает осуществление суверенитета и его инструментов смерти с властью над жизнью уже на уровне населения и рас» (Дин, Писарев, 2016: 359). Дин видит в авторитарной правительности одну из свойственных XX в. стратегий контроля риска, которые, по его мнению, являются следствием трансформации правительности, произошедшей в начале XX в. и связанной с появлением рефлексивного управления, которое больше не является правлением властей над обществом.

В XX в., пишет Дин, управление осуществляется посредством «множества агентов, вводимых в игру разными стратегиями управления. Управление стало, если угодно, более множественным, рассеянным, оптимизирующим и уполномочивающим. Однако оно странным образом и более дисциплинарное, строгое и карательное. Национальное государство берет на себя не столько направляющую и распределительную роль, сколько координационную, посредническую и профилактическую» (Дин, Писарев, 2016: 409). Это — новый режим существования социального, когда власть уже не управляет обществом, потому что уже не мыслится в терминах разделения между государством и обществом и их противостояния. Социальное переопределяется, пишет Дин, оно «должно принять форму рынка», а «задачу национального управления можно рассматривать как задачу управлять, не управляя обществом» (Дин, Писарев, 2016: 411).

С этим предположением автора связан и предпринятый в девятой главе набросок исследования риска как новой рациональности управления и страхования как «вычислительной рациональности, в которой содержатся представления о риске» и которая является попыткой «сделать невычислимое вычислимым» (Дин, Писарев, 2016: 432).

С этим же представлением о переопределении и переструктурировании социального связаны и рассуждения Дина о том, что социальное «пало жертвой собственного успеха»: «...именно успех либеральной и социальной форм управления в создании населения, способного на ответственность и автономию, позволяет управлять при помощи устремлений и выборов индивидов и групп. Поэтому есть некоторая справедливость в утверждении, что рефлексивное управление больше не стремится управлять при помощи общества. Однако это не значит, что рефлексивное управление больше не стремится преобразовывать общество. Социетальное преобразование — в сердце этого управления. Впрочем, теперь оно пытается добиться этого преобразования не через управление процессами, а при помощи управления самими механизмами, техниками и агентностями управления» (Дин, Писарев, 2016: 458). Таким образом, общество меняется из-за трансформации механизмов, которыми оно управляется, подобно тому как попытки исследовать рациональные способы воздействия на свое или чужое поведение меняют само это поведение.

В свою очередь, исследование того, как мы управляем собой и другими, предпринятое Мишелем Фуко, Митчеллом Дином и другими политическими теоретиками, представляющими власть и механизмы управления как постепенную трансформацию практик и техник правительности, таким же образом непоправимо изменило ландшафт политической философии и теорий управления конца XX – начала XXI в. Последствия этого нам еще предстоит увидеть.

ЛИТЕРАТУРА

- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Петтит Ф. Республканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева ; предисл. А. Павлова. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.

Marey, M. D. 2017. “‘Republicanism’ and ‘Governmentality’: two ways of thinking about government” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 1 (1), 113–122.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY, EXECUTIVE SECRETARY OF “PHILOSOPHY. JOURNAL OF HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”

“REPUBLICANISM” AND “GOVERNMENTALITY”: TWO WAYS OF THINKING ABOUT GOVERNMENT

REFERENCES

- Din, M. [Dean, M.] 2016. *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh* [*Governmentality: Power and Rule in Modern Society*] [in Russian]. Ed. by S. M. Gavrilenko. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS.
- Pettit, F. [Pettit, Ph.] 2016. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [*Republicanism: A Theory of Freedom and Government*] [in Russian]. Trans. from the English by A. Yakovlev. With a forew. by A. Pavlov. Moskva [Moscow]: Izd-vo Instituta Gaydara.